

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Р54)

Б.Р. Зориктуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

К ИСТОРИИ ПЛЕМЕННОЙ ГРУППЫ ХОРИ

*Работа выполнена в рамках государственного задания
(проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы
в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4)*

Статья посвящена выяснению степени изученности этногенеза бурятской племенной общности хори. Сделан акцент на том, что в последующих исследованиях центральное место должен занять вопрос о прародине хори Наян-Наваа.

Ключевые слова: племя хори, Хоридой, дева-лебедь, Наян-Наваа.

B.R. Zoriktuev

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS

TO THE HISTORY OF THE KHORI TRIBAL GROUP

*The study is sponsored by the project XII.191.1.2.
"Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia" № АААА-А17-117021310264-4*

The article is devoted to the degree of study the ethnogenesis of the Buryat tribal community Khori. The author hopes that next studies will be focused on the investigation of the ancestral home of the KhoriNayanNawa.

Key words: Khori tribe, Khoridoy, Swan Maiden, NayanNavaa.

Бурятская народность состоит из пяти основных этнических компонентов: племенных общностей булагат, эхирит, хонгодор, хори и сборной территориально-этнической группы, называемой по месту ее локализации *селенгинские буряты*. Если относительно происхождения селенгинских родов ситуация довольно ясна (одну их часть составляют мигрировавшие на Селенгу и ее притоки в XVII-начале XVIII в. группы из Халхи, реже – из Внутренней Монголии, а другую – также поздние, начала XVIII в., пришлые с западной стороны Байкала преимущественно булагатско-эхиритские роды), то этого нельзя сказать в отношении четырех первых групп. Настоящая статья преследует цель дать общее представление о состоянии изученности этногенеза племенного этноса хори, который в бурятоведении является одним из наименее разработанных. Поскольку данная проблема всегда привлекала к себе достаточно много внимания, то будут рассмотрены только те труды, которые по степени своей цитируемости оставили наиболее заметный след в литературе.

Автором единственного монографического исследования об этногенезе хоринцев является Г.Н.Румянцев. Он считал, что племена монгольской языковой семьи появились на западной стороне Байкала в неолитическое время. В VI-IX вв. по обе стороны озера высокого развития достигла *курумчинская культура*, создателями которой была известная по китайским летописям этническая общность гулигань (курукан). Этноним *курукан* отождествляется с наименованиями бурятского племени хори и других монголоязычных групп (хорчин, хурумши и др.), корнем которых является слово *хор* (*хур*).

При неопределенности основных признаков (материальная культура, письменность и др.) имя *курукан* является важным свидетельством монгольского происхождения курыканов и, следовательно, хоринцев [17, с. 92, 120-123, 243].

Таким образом, Г.Н.Румянцев считал хоринцев монголоязычными автохтонами Байкальского региона, поселившихся по Ангаре и Лене в эпоху неолита. Он признавал, что «вопрос о генетической связи неолитического населения Прибайкалья и Забайкалья с древнебурятскими, монгольскими и тюркскими племенами остается невыясненным». Но на основании некоторых, как ему думалось, «косвенных данных» можно предположить, что «часть предков западных бурят генетическую связь с неолитическими племенами имеет». К этим «косвенным данным» автор отнес «некоторые этнографические черты, известные по преданиям или пережиточно сохранившиеся в историческое время, сближающую культуру предков бурят с культурой неолитического населения, сюда же можно отнести занятие рыболовством и охотой, культ р. Лены у эхиритов, почитание рыбы как племенного тотема, существование в далеком прошлом у бурят легких жилищ типа чумов – “бухэк”, берестяных лодок и т.д.» [17, с. 91].

Понятно, что Г.Н.Румянцеву на этом ни о чем не говорящем материале определить время появления первых монголоязычных групп, и с ними хоринцев, на берегах Байкала было затруднительно. В такой ситуации ему следовало обратиться к такому весьма информативному по своей специфике источнику, как топонимия. В географической номенклатуре Бурятии, которая неплохо изучена, в зависимости от последовательности прихода к Байкалу разных этнических групп выделяются три крупных пласта географических названий: 1. тунгусский, 2. тюркский, 3. монгольский [9, с. 28-41; 20, с. 55-59]. Они в комплексе с другими источниками дают знать, что в I тыс. н.э. и в более раннее время монголоязычного населения, в том числе хоринского, в Байкальском регионе не было. Преобладающим вначале был эвенкийский, затем тюркский этнокомпонент, который в лице курыканского этноса наиболее усилился в VI-IX вв.

В орхонских надписях курыканы именуется *уч-курукан*, т.е. *три курыкана*. Г.Н. Румянцев считал, что одну часть данного союза представляло пришедшее с Енисея тюркское племя, другую часть – группа, обитавшая в глухой таежной зоне к востоку от кыргызов и ставшая известной из одних мусульманских источников X-XII вв. как *фури*, из других – как *кури*. Большинство лингвистов, изучавших транскрипцию слова *фури*, полагают, что его следует читать как *кури*, потому что в арабской графике буквы *ф* и *к* легко смешиваются (Бартольд 1973: 497, 499). Поэтому сделан вывод о существовании только одного племени кури. О нем в мусульманских источниках сохранились некоторые сведения. Например, источник «Худуд ал-Алам» (конец X в.) сообщает, что фури, т.е. кури, «едят людей и беспощадны... они подобны диким зверям» [18, с. 41]. Воссозданный мусульманскими историками коллективный портрет кури никак не вяжется с культурным обликом монголоязычных хоринцев, известного из «Тайной истории монголов» (1240, далее – ТИМ) и «Сборника летописей». Он не мог разительно измениться за 1-2 столетия. Поэтому безосновательно мнение Г.Н.Румянцева, полагавшего, что кури и хори – это один и тот же этнос. О том, что кури не были хоринцами, так как имели другое происхождение, убедительно свидетельствует «Худуд ал-Алам». В нем кратко указано: «Фури – это название народа – также из кырхызов...» [18, с. 41].

Ошибка о едином происхождении общностей *кури* и *хори* повлекла за собой другую – о тождестве этнонимов *курукан* и *хори*. Следует согласиться с мусульманскими авторами, что название *кури* является сокращенным вариантом этнонима *курукан*.

Эту мысль очень доходчиво доносит также «Юань-ши» (XIV). В нем упоминаются имя *кули*, т.е. *кури* мусульманских произведений, округ Ангола, входивший в состав области кыргызов и названный так по протекавшей через него р.Ангола (Ангара). Источник поясняет, что в округе обитал народ кули (гулигань), о котором говорится в «Тан-шу» [13, с. 29].

Ц.Б. Цыдендамбаев полагал, что хоринцы входили в состав древней группы дунху, занимавшей земли от Байкала до Восточной Монголии. После разгрома дунхусцев племенами хунну вторая часть их имени *ху* перешла к сяньби, т.е. сяньбийцы стали называться *хор-сяньби*. Распад в III в. н.э. хоров-сяньбийцев привел к тому, что слово *хор* (*хори*) стало именем отпочковавшихся от них предков хоринцев. Другое крупное для хоринцев событие произошло во второй половине I тыс. н.э.: исконный тотем *собака* был заменен тюркским по происхождению тотемом *лебедь*. Не случайно в ТИМ хоринцы названы не просто *хори*, а *хори-туматами*. Так назывался племенной союз, состоявший из туматов-тюрков и находившихся у них в подчинении хоринцев. В хоринской истории этот период длился с середины VI в. до начала XIII в. [19, с. 220-231].

Итак, на взгляд автора, хоринцы по происхождению связаны с сяньби, свидетельством чего является тотемный культ собаки у обоих этносов. Со своей стороны замечу, что к настоящему времени выявлены новые, совпадающие по своей сути, особенности этнокультурного развития сяньбийцев и хоринцев, которые в силу их специфики могут быть приурочены к началу нашей эры. Они являются веским аргументом в пользу того, что между данными этносами существовала генетическая связь. Но к образованию этнонима *хори* сяньбийцы отношения не имели. Выявлена закономерность, что при смене народов новые этносы, как правило, получали другие самоназвания. Так, линия развития средневековых монголоязычных народов представляла собой цепь последовательно сменявших друг друга этносов, каждый из которых имел новое название. Вначале были дунху, после их распада появились сяньби, затем – жужани, а после них – нынешние монголы. Если бы исчезнувшие этнонимы обладали свойством появляться снова, то сейчас на этнической карте Азии, помимо трех первых имен, вновь значились бы другие давно исчезнувшие наименования: *хунну*, *цифу*, *кидань*, *кумоси* и т.д. Но их нет, что говорит об абсолютной беспочвенности мнения о некоей возобновляемости этнонимов [7, с. 34].

Древняя общность дунху располагалась южнее Большого Хинганского хребта. Она не охватывала район Байкала и в 209 г. до н.э. после разгрома хуннусцами канула в Лету. Одним из возникших на ее месте этносов был, как сказано, сяньби, который во всех источниках проходит под этим именем. В них не упоминается двойной этноним *хор-сяньби*, как полагал автор. Поэтому название *хори* не могло образоваться от несуществовавшего имени *хор-сяньби* и тем более от этнонима *дунху*, даже если допустить, что в нем часть *ху* является искаженным словом *хор*, о чем в свое время написал в своем сочинении «География Тибета» Минчжул-хутухта [2, с. 5, 32].

Что касается вопроса, как у монголоязычного племени хори появился тюркский по происхождению тотем лебедя, то объяснение, данное Ц.Б.Цыдендамбаевым, неудовлетворительно. Он правильно пишет, что название *хори-тумат* встречается только в ТИМ. В других источниках оно отсутствует, следовательно, о существовании двойственного хори-туматского союза в Баргуджин-Токуме не может быть речи. В таком случае вопрос о появлении тюркского тотема *лебедь* у монголоязычных хоринцев нужно ставить и решать иначе. В данном направлении не все имеющиеся резервы использованы. Автор не сумел достойно оценить и в нужном русле интерпретировать имевшийся в его распоряжении материал.

По мнению Д.Д.Нимаева, первые монголоязычные группы, поселившиеся на берегах Байкала, – хоринцы и баргуты. Баргутское племя возглавляло племенной союз в Забайкалье. В условиях тюркского господства оно вынуждено было перевести на тюркский язык свой этноним и называть себя *байырку*. Имя *байырку* было обобщенным наименованием входивших в союз групп. К концу I тыс. н.э. оно вышло из употребления, так как на ведущие роли в регионе выдвинулись выделившиеся из состава байырку хоринцы. К XIII в. имя *хори* приняло сложную форму *хори-тумэт*, в которой обе части – равнозначные этнонимы-синонимы. В 1207 г. хори-тумэты оказали упорное сопротивление вторгшимся к Байкалу монголам. Спасаясь бегством, одна их часть на Средней Лене под именем *хоролор* вошла в состав якутов. Другая часть – *тумэт* – ушла во Внутреннюю Монголию [11, с. 77, 79, 85-87, 103, 109, 110, 112].

Главный недостаток работ Д.Д.Нимаева – мало исследован начальный этап этногенеза хори. Основное внимание автор сосредоточил на том, чтобы доказать, что в разное время около Байкала существовали два племенных союза: в древнетюркский период – племенной союз байырку, в XIII в. – противостоявшее Чингис-хану хори-туматское объединение. При обосновании гипотезы о союзе байырку автор опирался на «Сборник летописей». В целом сообщение Рашид-ад-дина выглядит так: «Племена: баргут кори и тулас; племя тумат также ответвилось от них. Эти племена близки друг с другом. Их называют *баргутами* (курсив мой. – Б.З.) вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют *Баргуджин-Токум*» (курсив мой. – Б.З.) [16, с. 121].

В процитированном тексте, что крайне важно уяснить, слово *баргут* использовано не как этноним (как самоназвание оно сопряжено с обитавшим в Забайкалье племенным этносом баргут. – Б.З.), а как *этническое прозвище* (курсив мой. – Б.З.), прилагавшееся ко всем этническим группам не только восточнее, но и западнее Байкала. На этой основе пытаться установить генетическую связь между байырку и хори бессмысленно. Необходимо обстоятельное исследование этногенеза обоих этносов. Такая работа, в частности, изучение происхождения байырку, Д.Д.Нимаевым не проводилась.

Прозвище *баргут* стало даваться байкальскому населению в XIII в. жившими южнее степными монголами. В его основу ими было положено наименование той территории, какую занимали лесные северные племена – Баргуджин-Токум. Напрашивается вывод, что в XIII в. слово *баргут* употреблялось в двух значениях. Во-первых, как этноним, т.е. как самоназвание отдельно взятой племенной общности баргут на восточном берегу Байкала; во-вторых, в широком бытовом плане как общее прозвище всех людей, населявших Баргуджин-Токум. К слову сказать, традиция давать северным соседям прозвище *баргут* имела у монголов характер долговременной тенденции и не утратила своего значения и много позже. В XVI–XVII вв. в верховьях Ангары и Лены беспрецедентные по глубине, силе и размаху консолидационные процессы привели к сложению племенного объединения, вначале называвшегося *бурат*, а потом *бурэт*. На базе этого объединения с дальнейшим перекидыванием объединительных тенденций в Забайкалье и возникновением там формы *бурят* (значение всех трех форм – «лесные») в конце XVIII в. образовалась бурятская народность [7, с. 70-79]. Оставаясь верными своему обычаю, степные монголы племенное объединение бурат также нарекли прозвищем *баргут*. Возник сложный термин *баргу-бурат*, который иногда встречается в ойратских памятниках XVIII – начала XIX вв. [21, с. 34, 65].

То, что в сложном термине *баргу-бурат* слово *баргу* употреблено в значении прозвища, сомнений никогда не вызывало. К примеру, именно так трактовал его

А.М. Позднеев. Касаясь слова *баргу*, он заметил, что буряты (так он написал слово *бураты*) подразделяются на две части: забайкальских и северных, т.е. западных. Последние заметно разнятся от тех, которые живут за Байкалом, верованием, образом жизни, обычаями и особенно языком, отличающимся от наречий всех монголов «доходящей до крайних размеров грубостью». «Утверждают, – подчеркивал А.М. Позднеев, – что это наречие и было поводом, почему северобайкальские Буряты получили от своих соплеменников прозвание Баргу-Бурятов, т.е. грубых, неотесанных Бурятов» [12, с. 180].

О хори-туматском объединении достаточно много было сказано выше. Поэтому здесь ограничусь короткой ремаркой. Автор пытается доказать, что в XIII в. словосочетание *хори-тумэт* (так он писал содержащийся в ТИМ термин *хори-тумат*) превратилось в цельное этническое наименование, в котором обе части стали равнозначными этнонимами-синонимами. В таком случае почему этот двойной этноним исчез после XIII в. и почему хоринцы как и много сотен лет назад продолжают именовать себя сейчас коротким словом *хори*? Объясняется это, как говорилось выше, тем, что в Баргуджин-Токуме не было племенного союза, называвшегося *хори-тумэт* или *хори-тумат*. Две группы тумэтов, пишет Д.Д.Нимаев, имеются во Внутренней Монголии. Но они к Байкалу никакого отношения не имеют [15, с. 315, 318; 10, с. 15-19, 232-233; 8, с. 356, прим. 37]. Например, Н.П.Шастиной выяснено, что термин *хори-түмэт* появился в источниках в результате опечатки. Общность түмэт – это позднее этническое образование, относящееся к XVI в. Она состояла из 12 отоков или түмэнов монголов (*түмэт* – множ. число от *түмэн*). В XIII-XIV вв. названия *түмэт* еще не существовало.

Б.Б.Дашибалов занимал позицию, что Южная Маньчжурия и примыкающая к Ляодунскому заливу территория были древним центром этногенеза монголов. Общим предком всех монголоязычных народов была общность дунху. Ее ближайшими потомками были хори. Так как словом *хор* тибетцы называли монголов, то хори-монголы являются предками современного монгольского этноса и ряда родоплеменных групп прошлого и настоящего, в названиях которых имеется корень *хор* (*хур*): курыкан, хоролор и др. Во второй половине I тыс. до н.э. хори-монголы с верховья Ляохэ перешли на Корейский полуостров и сыграли видную роль в образовании основного корейского этноса Когурё (Корё) и создании государства с таким же названием. Кроме Кореи хори-монголы жили на Нижнем Амуре, о чем свидетельствует принадлежавшая им покровская археологическая культура [5, с. 29, 30, 35, 46, 47, 78, 97, 98, 159].

Я указывал выше, что в средневековье при смене этнических общностей возникшие на их месте новые группы получали названия, которые не повторяли имена предыдущих этносов. Поэтому от наименования *дунху* не мог образоваться этноним *хори*. Судя по всему, данное название возникло самостоятельно, вне всякой связи с общностью дунху и гораздо позже времени ее существования. В этой связи трудно согласиться с автором, что имеющаяся в составе якутов группа хоролор (самоназвание *хоро*) прежде была частью хори-монголов. Здесь имеет место лишь некоторое созвучие слов. При целенаправленном изучении хоролоров, тотемическими перво-предками которых были Ворон и Орел, выясняется их бесспорно палеоазиатское прошлое [Подр. об этом: 7, с. 181-204].

Хоролоры пришли на Среднюю Лену с низовья Амура, где находилась их родина Хоро-сирэ. Возможно, этот топоним является названием «государства Кори», которое по ранним китайским и корейским источникам располагалось к северо-востоку от китайских владений. Принято считать, что в этногенезе корейцев важную роль сыграли

алтайские племена, но более весомым и значимым признается северный палеоазиатский компонент (6, с. 176; 4, с. 158-166). По источникам, предок корейцев Тонмён, выйдя из Кори и достигнув области Пуё, стал родоначальником одноименного народа. Продолжателем его дела стал Чумон, который, уйдя из Пуё в глубь Кореи, стал предком народа когурё, отпочковавшегося от пуё. Источники сообщают, что Чумон пришел в Когурё с двумя товарищами, которых звали Оин и Ови. В «Вэй шу» при передаче их имен первый слог в них записан иероглифом *о* (кит. *у*), имеющим значение «ворон» [6, с. 96, 176]. Данный факт, вероятно, говорит о том, что не только Оин и Ови, но и Чумон с Тонмёном являются олицетворением этнических подразделений палеоазиатов, почитавших ворона и пришедших из Кори в Пуё и далее в Когурё.

Тут уместно привести результаты последних исследований генетиков. Они показали, что 70-80 % вариантов митохондриальной ДНК корейцев сближают их с населением Северо-Восточной Азии, т.е. с палеоазиатами [14, с. 158]. Полученный результат соответствует изложенному выше тезису, что палеоазиаты и предки корейцев на Нижнем Амуре некогда составляли единое этническое образование. В этногенетическом плане корейцы (когурёсцы) наиболее близки к хоролорской ветви палеоазиатов.

Что касается упоминавшейся автором покровской археологической культуры, то она имела не монгольское, а мохэское происхождение. Мохэская культура выросла из польцевской, датируемой III в. до н.э. – III в. н.э. Ее носителем был имевший тунгусское происхождение народ илоу [3, с. 6, 347, 360; 4, с. 28, 105, 107]. В целом низовье Амура и расположенные от него к югу прибрежные районы Дальнего Востока, включая значительную часть Корейского полуострова, с древности были зоной компактного расселения племен дуньи, в состав которых входили прототунгусские и палеоазиатские этнические группы. Монголов на тихоокеанском побережье не было.

Рассмотренные труды показывают, что в научном сообществе интерес к проблеме этногенеза хори не ослабевает. Выросло число публикаций по данной теме, и в то же время расширился разброс противоречащих друг другу мнений. Причина этого явления видится в том, что исследователям недостаточно известны начальные этапы этнической истории хори. Ими не учитывается взгляд на свою историю представителей самого хоринского этноса, которые твердо убеждены в том, что являются пришлыми к Байкалу людьми. Они говорят, что их древней колыбелью является местность Наян-Наваа, находившаяся в далекой и теплой благодатной стране. Становится очевидным, что неизученность вопроса о местонахождении прародины хоринцев становится непреодолимым препятствием к отысканию правильных подходов для раскрытия раннехоринской истории, в частности, адекватного понимания и интерпретации известной легенды о Хоридое и его женитьбе на деве-лебеди, в которой в сфокусированной форме преломлены начальные этапы этногенеза хори. В легенде содержится редкостный материал, нигде больше не встречающийся, но, несмотря на это, она, в силу незнания материала о Наян-Наваа, никогда не становилась объектом глубокого и детального анализа. Дело ограничивается констатацией двух лежащих на поверхности фактов: Хоридой – предок хоринского племени, родившиеся от лебеди сыновья – родоначальники вошедших в его состав родов. Между тем, следует подчеркнуть, что финальная часть сюжета легенды: вступление в брак основных персонажей, рождение сыновей и образование племени хори – является точкой отсчета реальной хоринской истории.

Список литературы

1. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. I. – М.: Наука, 1963. – 1024 с.
2. Васильев В.П. География Тибета. Пер. тиб. соч. Минчжул хутукты. – СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1895. – 95 с.

3. Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX-XIII вв. н.э.). – Владивосток: «Дальнаука», 2006. – 370 с.
4. Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в.). – Владивосток: «Дальнаука», 1994. – 409 с.
5. Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 200 с.
6. Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев). – М.: Изд-во «Наука». Гл. ред. Вост. лит-ры, 1972. – 201 с.
7. Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2011. – 278 с.
8. Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., комм. и прилож. Н.П.Шастиной. – М.: Изд-во «Наука». Гл. ред. Вост. лит-ры, 1973. – 439 с.
9. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1969. – 184 с.
10. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по отд-ю этнографии. – Т. 24. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1895. – 487+92 с.
11. Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ: Изд.-полиграфич. комплекс ВСГАКИ, 2000. – 188 с.
12. Образцы народной литературы монгольских племен. Собр. и изданы А. Позднеевым. – Вып. 1. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1880. – 346 с.
13. Окладников А.П. История и культура Бурятии. Сб. статей. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976. – 456 с.
14. Пан Мин Кю, Бахолдина В.Ю. Проблема происхождения населения Корейского полуострова. Археология, этнография и антропология Евразии. – № 2 (34). – 2008. – С. 154-159.
15. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Дневник путешествия. – Вып. III. – СПб., 1883. – 372 с.
16. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т.1. Кн. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 221 с.
17. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1962. – 265 с.
18. Худуд ал-Алам. Материалы по истории киргизов и Киргизии. – Вып. 1. – М.: Изд-во «Наука». Гл. ред. Вост. лит-ры, 1973. – С. 35-45.
19. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. – 662 с.
20. Шулунова Л.В. Онимические форманты ойконимов Прибайкалья. Исследования по ономастике Прибайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1990. – С. 52-62.
21. Баатар увш туурвисан «Дөрвөн ойрадын түүх оршив». Удиртгал, тайлбар бичсэн Б.Түвшинтөгс, На.Сүхбаатар. – Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр, 2006. – 165 х.